

Наталья Александрова

Роковая монета

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Роковая монета

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Роковая монета / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ»,
2022 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-149571-8

Серебряная тетрадрахма царя Ирода Антипы — самый дорогой артефакт на земле, ведь это одна из тридцати монет, которые получил за свое деяние Иуда Искарот. Это — цена самого большого предательства и самого большого самопожертвования в человеческой истории. Ходит легенда, что эта роковая монета несет в себе темную энергию и приносит своему владельцу только горе и страдания, тем не менее желающих обладать ею не становится меньше. Долгие годы артефакт был надежно укрыт в тайнике, но однажды всплыл на свет божий, вызвав череду странных смертей. Детектив-любитель Надежда Лебедева, конечно, не могла пропустить такое увлекательное и опасное дело, тем более что в центре событий оказалась ее лучшая подруга.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149571-8

© Александрова Н. Н., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Наталья Александрова

Роковая монета

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление Анастасии Орловой

© Н. Александрова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

– Благодарю вас! – улыбнулась очень ухоженная дама официанту, когда тот убрал ее тарелку со стола.

Голос у дамы оказался звучный, хотя говорила она негромко, улыбка выглядела искренней, а возле глаз собрались симпатичные морщинки-лучики. Дама была не слишком молода, но возраста своего не скрывала. Правда, никто из тех, кто составлял ей компанию в ресторане круизного лайнера, точной цифры так и не узнал.

Всего за столом находилось восемь человек: как сели случайно в первый вечер путешествия, так и сидели потом все время вместе. Как заметил Иннокентий Павлович, чтобы обед или ужин проходили в спокойной дружественной обстановке, надлежало следовать правилу древних римлян: число гостей за столом должно превышать число граций, но быть меньше числа муз. То есть от трех до девяти человек. Если гостей соберется меньше – им будет скучно, если больше – не получится общего разговора: один из собеседников что-то не расслышит, другой постесняется переспросить, короче, будут недовольные.

– Значит, у нас наилучший вариант! – согласилась Елена Юрьевна.

Сидя во главе стола, она исполняла роль хозяйки, то есть следила за ходом беседы, вовлекала в нее всех гостей, а если разговор начинал буксовать, то сама находила тему. Чаще всего именно так и происходило.

Как уже говорилось, голос у Елены Юрьевны был звучный, речь правильная, а истории, рассказанные ею, забавные, с хорошим концом. Она была вдовой, причем, как поняли соседи по столу, весьма обеспеченной. Впрочем, этот круиз предназначался не для бедных.

Официантов понукать не приходилось, они появлялись неслышно и обслуживали по высшему разряду. Вот и сейчас не успел один мигот убрать тарелки, как уже подходил второй с блюдом десерта – фруктами и чем-то воздушно-розовым.

– Как вы думаете, что напоминает наша компания? – спросила Елена Юрьевна, обращаясь к Марии и одновременно элегантно отмахиваясь от официанта, подающего десерт.

– Ну... – Мария помедлила с ответом.

– Тут и думать нечего, – ответил за нее Глеб, – разумеется, детективы Агаты Кристи. Круизный лайнер, море, восемь человек мило беседуют, а потом – раз! – и убийство.

– Но среди нас нет ни Эркюля Пуаро, ни мисс Марпл... – рассмеялась Елена Юрьевна, глядя на Марию.

«Неужели она знает? Но откуда? Я никому не говорила, что пишу детективы, а соседям по столу представилась преподавателем английского. Впрочем, так оно и есть, – похолодев, подумала Мария и тут же рассердилась на себя: – Да если бы и узнали, что такого?» Она написала уже три романа, а толку? Вот почему она и не хотела ничего про себя рассказывать. Новые знакомые обязательно начнут интересоваться, где можно прочитать, а когда прочтут, станут

критиковать, а кто-нибудь обязательно скажет, что терпеть не может детективы, тем более дамские. В общем, ничего хорошего не будет.

Но бояться тоже не следовало. Мария не сделала ничего плохого, а вздрагивала, как пичуга на ветру.

– Вам холодно? – наклонился к ней Глеб.

– Да, что-то от кондиционера дует... – отговорила Мария, с завистью глядя, как двое супругов, Игорь и Ольга, наложили себе по неприлично большой порции воздушно-розового десерта и с аппетитом его уплетают.

Ольга уловила ее расстроенный взгляд и подмигнула. Зачем отказывать себе в удовольствии, если все оплачено?

– Кофе? – спросил неслышно приблизившийся третий официант.

Обычно Мария отказывалась, мотивируя это тем, что не заснет, если выпьет крепкий кофе на ночь. Хотя какая же ночь? Всего десятый час. Для некоторых вечер только начинался. После ужина была предусмотрена обширная программа: казино, танцы, а можно просто посидеть в одном из четырех баров и выпить коктейль.

Мария тут же усмехнулась про себя: «Ага, обширная программа, только не для нее». Казино? Это просто смешно. Кроме того, что она никогда в жизни не играла и понятия не имела, как это делается, у нее попросту не было лишних денег. А вдруг она окажется азартной, как бабушка в «Игроке» Достоевского, и пропустит все, что у нее есть?

Да нет, конечно, она сможет держать себя в руках. Уж чего-чего, а выдержки у Марии хватало. И кто-то наверняка сможет ей объяснить, что надо делать. Но вот с деньгами действительно была беда. Она потратила их целую кучу на этот круиз, а зачем? Впервые в жизни ей захотелось сделать что-то для себя. Причем что-то совершенно бесполезное. Так и оказалось.

Круиз, конечно, поражал воображение, это не только Марии так казалось с непривычки. Огромный, шикарный лайнер: девять палуб, три бассейна, четыре ресторана, концертный зал и много других всевозможных развлечений. Обстановка в салонах очень дорогая, на столах – ценные декоративные вазы, по углам – статуи, на стенах картины, причем весьма ценные, как горделиво заметил капитан, проводя экскурсию по лайнеру. В кают-компании имелись даже два этюда кисти Пикассо. Мария в живописи не настолько хорошо разбиралась, чтобы подлинник от копии отличить, так что капитану поверила на слово.

Публика на лайнере собралась соответствующая. Команда была интернациональная, много испанцев и португальцев, стюарды – филиппинцы, официанты – греки и итальянцы, но все без исключения говорили по-английски.

Отчего же она, Мария, не могла отбросить все свои комплексы и просто радоваться жизни хотя бы эти несколько дней? Тем более что с языком у нее проблем не было.

Те же Игорь с Ольгой получали от путешествия несомненное удовольствие. Может быть, потому, что они вместе, а Мария одна? Но и Елена Юрьевна тоже путешествовала одна, а прекрасно себя чувствовала.

Мария перевела глаза на веселую вдову – так они с Глебом окрестили Елену Юрьевну. Та вполголоса что-то рассказывала Глебу, а он, заговорщицки улыбаясь, шептал ей что-то на ухо, в котором сиял приличных размеров бриллиант.

Показалось Марии или нет, что они посмотрели в ее сторону? Ну да, она-то думала, что Глеб только ей с юмором описывает присутствующих, думала, что между ними появилась какая-то незримая нить... А что, если у него это просто манера поддерживать развлекательную беседу и в эту минуту они с Еленой Юрьевной обсуждают ее, Марию? Вот интересно, что про нее можно сказать?

Унылая, будничная и скучная, как железнодорожное расписание, положенное на музыку. Возможно, веселой вдовушке понравится такая характеристика. Одета не только бедновато, но и тоскливо. В таком платье, что на ней сегодня, только в библиотеку ходить на какую-нибудь

скучнейшую лекцию. В общем, вид – зануда обыкновенная, подвид – мымра академическая. Ну да, так и есть. Мария преподавала английский сначала в обычной школе, а потом много лет в университете. Не самая плохая, между прочим, работа.

Мария почувствовала, что разозлилась, но тотчас поняла, что это глупо. Во-первых, она понятия не имела, о чем говорят эти двое. Во-вторых, Елена Юрьевна играла роль благородной милой дамы (тот же Глеб называл ее «дамой, приятной во всех отношениях»), так что не опустится до обычного злословия и обсуждения одежды соседей по столу. Это не комильфо.

Официант, не дождавшись ответа, сделал было шаг в сторону, но Мария удержала его за рукав и разразилась длинной английской фразой, интересуясь, какой у них есть кофе. Официант терпеливо перечислил наименования, и Мария, с удовлетворением убедившись, что ее английский лучше, выбрала какой-то редкий сорт, к которому официант советовал рюмочку ликера.

– А давайте! – улыбнулась она, хотя не пила спиртное даже за ужином. Только воду. Почему она так делала? Боялась опьянеть? Да что будет с одного бокала вина!

«Нет, надо задвинуть свои глупые страхи куда подальше и наслаждаться жизнью. Тем более что осталось всего три дня».

Итак, Мария решила выпить кофе с ликером, а после ужина погулять по палубе, глядя на темное море, а затем посетить музыкальный салон, где немолодой пианист наигрывает ретро-мелодии, а старички англичане тихонько танцуют фокстроты и вальсы. Она будет потягивать какой-нибудь слабенький коктейль и стараться запомнить все, что происходит. Потом пригодится для описания. А что, если написать английский детектив в духе Агаты Кристи? Море, компания пассажиров, которые раньше знакомы вроде бы не были, а потом, когда происходит убийство, выясняется, что у каждого, как выражаются в детективах, есть свой скелет в шкафу. И обязательно должен присутствовать сыщик-любитель, лучше всего женщина. А убийцей окажется самый незаметный из пассажиров, на которого в жизни не подумаешь.

«Ах да, – опомнилась Мария, – я же дала себе слово не думать о работе». Хотя работа – это то, за что человек получает деньги. А ей за три романа заплатили не деньги, а... в общем, все ушло на этот круиз. Мария решила отпраздновать начало нового этапа своей жизни.

Поначалу ей и в самом деле казалось, что она на пороге новой жизни. Шикарный круиз, море, хоть и холодное северное, и... Глеб. Так приятно было с ним разговаривать, сидя рядом в шезлонге и глядя на море и проплывающие мимо берега. Марии нравилась его речь – живая, богатая, никаких слов-паразитов. Как филолог, она была очень чувствительна к таким вещам.

Глеб был остроумен и начитан, много путешествовал и занимательно об этом рассказывал. Он ей нравился – пока просто как человек, и она надеялась, что тоже ему нравится. Иначе зачем бы он проводил с ней довольно много времени? Что с нее, нищей преподавательницы, взять-то?

Официант заметил, что у нее есть вкус и она не пожалеет о выборе сорта кофе.

– Вот что значит свободно владеть языком, – вполголоса сказал Алексей, сосед справа, молодой, но мрачноватый на вид мужчина, который всех сторонился и обычно вставал из-за стола первым, не дожидаясь остальных.

– Попросить официанта принести вам такой же ликер? – улыбнулась Мария так, чтобы Глеб это увидел.

– Не нужно, – сухо ответил Алексей, – но спасибо.

Мария тут же перехватила взгляд еще одной соседки по столу – Алены. Отчего она села с ними, было непонятно. Девушка молодая, стильная, с немного странной прической, когда все волосы зачесаны на одну сторону. Во времена молодости Марии такая прическа называлась «Плюнь мне в ухо». А Алена так причесалась, наверное, для того, чтобы серьга была видна. Серьга интересная: золотая райская птичка, а вместо глаз – крошечные бриллиантики. Не то

что у Елены Юрьевны камни чистой воды. Это опять-таки Глеб утверждал. Судя по всему, он и в камнях разбирался.

Алена, по мнению Марии, была довольно противная, нагловатая и высокомерная. Одним словом, как героиня пьесы Бернарда Шоу «Женщина, не стоящая внимания». Только вряд ли эта Алена умела говорить литературным языком, она все больше выражалась каким-то невообразимым сленгом (против чего филологическая душа Марии бурно протестовала), а при письме делала грамматические ошибки. Мария один раз случайно увидела ее сообщение в телефоне – и пришла в ужас, но, разумеется, ничего не сказала. Только этого не хватало. Алена и так на нее отчего-то волком смотрит. Неужели за то, что Мария Алексею улыбнулась? Глупо...

Официант принес кофе. Аромат от чашки шел изумительный. И ликер в крошечной изящной рюмочке смотрелся очень неплохо.

– Не соблазнитесь? – спросила Мария, глубоко вдохнув необычайный аромат.

– Пожалуй, вы меня убедили, уж очень счастливое у вас лицо, – пробормотал Алексей.

– У меня? – всерьез удивилась Мария. – Что ж, очень рада, что вы замечаете такие вещи. То есть я хотела сказать, что... дело, конечно, не во мне... в общем... – Она махнула рукой официанту и попросила принести Алексею то же самое.

Остальные уже заказали напитки. Супруги пили кофе с огромной шапкой сливок, Алена – обычный эспрессо, Елена Юрьевна – специальный травяной чай, который заказала в самом начале круиза. Официанты запомнили это, повторять не пришлось.

– Ну, мои дорогие, – начала веселая вдова, – теперь настало время для истории. Кто хочет рассказать? Только предупреждаю: история должна быть обязательно с загадкой, раз уж наше общество похоже на сборище персонажей из романов Агаты Кристи.

Мария приготовилась к тому, что Елена Юрьевна снова посмотрит на нее со значением, и попыталась сделать отстраненное лицо, но этого не понадобилось.

– Да что мы, – галантно ответил за всех Глеб, – у вас, Елена Юрьевна, истории получается рассказывать лучше всех.

– Ну что же... – Дама, приятная во всех отношениях, не стала отказываться, а скорее всего и разговор этот завела, чтобы ее попросили. – Есть у меня одна история... правда, сразу скажу, весьма необычная. История, в которую вмешалась сама судьба. Уж извините за громкие слова, но так оно и было.

– Расскажите, Елена Юрьевна, сейчас самое время... – подал голос Иннокентий Павлович.

– Тогда слушайте! – Обведя соседей по столу взглядом, Елена Юрьевна убедилась, что все оставили свои чашки и смотрят на нее. – Дело было приблизительно два года назад. Я люблю ходить пешком, особенно в хорошую погоду. А вы знаете, как наш город хорош в любое время года, ну, кроме зимы и слякотной поздней осени. Осень в том году выдалась сухой и прохладной, листья уже облетели, по ночам начались заморозки, но везде было сухо, и солнышко ласково светило, хоть редкое и неяркое. Я свернула к Константиновскому скверу и брела, шурша листьями – знаете, у меня с детства сохранилась привычка шуршать опавшими листьями, – пока что-то не попало мне в глаз. Не то соринка залетела, не то от солнца глаза заслезились. Я присела на скамеечку, проморгалась, промокнула глаза платком и стала ждать, когда высохнут слезы. Народу никого. И тут подошел ко мне мужчина – самый обычный, в возрасте, одет не то чтобы прилично, но чисто, и выбрит аккуратно. Я решила, что ничего плохого он мне не сделает, просто поговорить хочет. Но он стал спрашивать, не скучно ли мне, да можно ли присесть... Одним словом, не стал задавать все те вопросы, которые престарелые ловеласы задают с целью познакомиться. Да если честно, и не похож он был на ловеласа. Впрочем, и на грабителя тоже.

– Как-то вы неосторожно поступили... – попенял Иннокентий Павлович. – Сами сказали, народу в сквере никого, мало ли что могло случиться, в наше-то время...

– Ну, у меня в сумочке кое-что было для самообороны, – рассмеялась Елена Юрьевна, – но я решила повременить. А он, мужчина этот, сразу взял быка за рога. Я, говорит, давно вас жду, честно говоря, уже и ждать перестал. Помню, я так удивилась тогда и спросила, не перепутал ли он меня с кем-нибудь? Видно, что человек вполне адекватный, ну, может, обознался. А он присел на скамеечку и стал рассказывать, что часто гулял в этом сквере с собакой, живут они рядом, только дорогу перейти. И вот в прошлом году, вроде бы в ноябре, встретил здесь старика, а тот попросил его передать записку женщине, которая будет сидеть на этой скамейке и плакать. И подробно описал эту женщину – примерно моего возраста, хорошо выглядит, но обязательно будет плакать. Он, мужчина этот, мне сказал, что растерялся тогда и спросил старика: а что, если та женщина не придет или он ее не увидит? Но старик только рукой махнул и за сердце схватился. Видно было, что болеет. В общем, не смог он отказать больному человеку и взял записку. С тех пор старика этого он не видел и женщину тоже не встречал, хоть каждый день в этом сквере гулял с собакой. А летом собака умерла, и он перестал тут бывать, чтобы не расстраиваться. В тот день, когда мы с ним встретились, он первый раз зимнюю куртку надел, а в ней во внутреннем кармане завалялась.

– Как интересно... – протянула Алена. – И что было в записке? Или вы ее не читали?

– Каюсь, прочитала. И знаете почему? Потому, что хоть адресат и не был указан, но первое слово было... угадайте какое?

– Лена... – неожиданно для себя сказала Мария, вспомнив известный рассказ Конан-Дойла про пляшущих человечков. Там Шерлок Холмс разгадал шифр, утверждая, что обычно первое слово в письме – это имя адресата. И не ошибся.

– Точно! – Елена Юрьевна блеснула глазами. – Я помню эту записку наизусть: «Лена, я знал, что ты обязательно придешь рано или поздно. Я ждал тебя именно здесь, потому что мы с тобой много времени проводили в этом скверике, когда были молодыми. Пока я мог, я приходил сюда, потом просто смотрел из окна на эту скамейку и ждал, что ты почувствуешь мой призыв и придешь. То, что случилось сорок пять лет назад, встало между нами. Ты, наверное, поступила правильно, решив оборвать все связи, но сейчас, когда мне осталось совсем немного времени, я так хотел увидеть тебя перед смертью... Не вышло. Но если ты читаешь эти строки, значит, ты меня помнишь. Если ты пришла – значит, это судьба и я правильно решил отдать тебе то, что попало мне в руки только на горе. Лена, она в тайнике под окном, ты знаешь, как его открыть: сначала влево, потом назад, потом дернуть, но не сильно. Возьми ее и делай все, что считаешь нужным. Если ты читаешь это письмо, то повредить мне уже ничем не сможешь. Прощай навсегда. Твой Виктор». – Вот такая записка... – Елена Юрьевна обвела взглядом присутствующих.

– Очень интересно... – снова неожиданно для себя сказала Мария. – И что же было дальше?

– Что было? Когда я закончила читать записку, того мужчины, который передал мне ее, уже не было. Он выполнил свою миссию и ушел, а я и не заметила. Я тоже пошла прочь, тем более что слезы высохли и ничто больше не удерживало меня в этом месте. Но когда я вышла из сквера, то вспомнила слова автора записки, что он мог видеть эту скамейку из окна. Рядом был только один подходящий дом. Я прикинула расстояние, высчитала окна и поняла, что подъезд должен быть первым, а этаж не ниже четвертого, иначе скамейку было бы не разглядеть. Я не удержалась и вошла в подъезд, поскольку дверь была открыта. Рабочие носили какие-то материалы, очевидно, где-то шел ремонт. Как оказалось, именно на четвертом этаже. На лестничной клетке я встретила женщину из соседней квартиры. Она спросила, кого я здесь ищу, а я ответила, что хотела бы посмотреть квартиру. Она удивилась и сказала, что хозяин умер прошлой зимой, а поскольку жил он один, полгода ждали наследников, потом кто-то нашелся,

а сейчас квартиру продали и начали в ней ремонт. Я сказала, что, наверное, в агентстве перепутали и дали не тот адрес. Она согласилась и ушла к себе. А я выждала немного времени и вошла в квартиру, благо дверь была нараспашку. Да и что там красть? Квартира была пуста, мебель вынесли, даже обои ободрали. Рабочие копошились на кухне, да еще шумел перфоратор, так что я нашла ту самую комнату и то самое окно, откуда покойный автор записки смотрел на сквер. Подоконник, к счастью, был на месте, я сдвинула его влево, потом назад, потом дернула, но не сильно. Тайник открылся, и я нашла там монету. Вернее, я не сразу поняла, что этот кругляшок с дыркой – монета. Я взяла ее и ушла, никем не замеченная.

– Н-да... – после некоторого молчания сказал кто-то из присутствующих. – История и правда занимательная. Просто готовый сюжет для романа.

– Признайтесь, Елена Юрьевна, – усмехнулся Глеб, – вы только что ее выдумали. Но конечно, от этого она не станет хуже!

– Я? Выдумала? – усмехнулась рассказчица. – А что вы на это скажете?

И она вытащила цепочку, на которую был подвешен очень старый, потертый кругляшок с дыркой.

– Вот именно ее я и нашла! – заявила Елена Юрьевна.

– Ну надо же... – протянул Глеб. – А скажите, пожалуйста, кто же такой Виктор и...

– И что у вас было с ним в молодости? – перебила его Алена.

– Я хотел спросить другое, – нахмурился Глеб. – Что за история связана с этой монетой? И почему Виктор написал, что его судьба так переменилась, когда монета попала к нему?..

– На горе, – напомнила Мария.

– Понятия не имею! – громко рассмеялась Елена Юрьевна. – Знать не знаю никакого Виктора, в жизни с ним не встречалась, в этом-то и заключается загадочность моей истории! Я же говорила вам, что вмешалась сама судьба, когда послала меня на эту скамейку, и глаз у меня заслезился, и имя мое совпало, и тот человек совершенно случайно нашел забытую записку...

– Bravo! – Иннокентий Павлович хлопнул в ладоши. – Удивили, нечего сказать! Замечательная история.

«Если все так, как утверждает Елена Юрьевна, и этот Виктор ей совершенно посторонний человек, для чего она тогда носит монету? Как будто ей нечего больше на цепочку повесить! Небось и кулон бриллиантовый имеется в пару к серьгам...» – подумала Мария, но тут же отвернулась, чтобы никто не прочитал этих мыслей на ее лице. Неужели она завидует этой веселой вдове? Ее деньгам, бриллиантам, уверенности в завтрашнем дне... Нехорошо, а главное – глупо.

Наверное, вдовушка нарочно сегодня надела цепочку с монетой, чтобы проиллюстрировать свою историю. А что? Красиво получилось... Пожалуй, ей, Марии, такое и не придумать, хотя она и профессионал. Впрочем, какой она профессионал? Так, любитель.

Мария потрогала монету, лежавшую на столе, и придвинула ее к хозяйке, повинувшись взгляду Елены Юрьевны.

– Позвольте мне взглянуть... – Алексей протянул руку.

– Пожалуйста, – в голосе Елены Юрьевны прозвучало удивление, но она вложила монету в ладонь молодого человека.

Тот осторожно приподнял ее за цепочку, осмотрел с обеих сторон, затем положил на стол, достал из кармана складную лупу и снова осмотрел – теперь через лупу. Его действия были настолько уверенными, а взгляд – таким заинтересованным, что все присутствующие невольно затихли и внимательно за ним наблюдали. И только Мария заметила, что руки Алексея слегка дрожат.

– Да, я так и думал... – проговорил он вполголоса, ни к кому не обращаясь, и поднял глаза, в которых горел мрачный огонь.

– Что вы думали? – спросила Елена Юрьевна с благосклонным интересом.

– Я уверен... я почти не сомневаюсь... – Алексей как бы нехотя оторвался от монеты. – Нет, конечно, нужна серьезная экспертиза, с привлечением современных методов...

Мария почувствовала, как он напряжен и с каким трудом подбирает слова. Надо же, раньше он все больше помалкивал, а сейчас вдруг разговорился.

Алексей помедлил еще мгновение, а потом проговорил громче и увереннее:

– У меня был дядя... славный старик, из настоящих старых интеллигентов, каких в наше время больше не встретишь... знал несколько языков, прекрасно разбирался в музыке...

– При чем здесь ваш дядя? – перебил его Игорь. – Какое отношение он имеет к этой монете?

Раньше он не обращал на Алексея внимания, а теперь смотрел с таким видом, как будто заговорила тумбочка или стул.

– Самое прямое... простите, что я начал издавека, но это нужно, чтобы вы поняли, – теперь голос Алексея звучал довольно твердо. – Так вот, помимо прочего, мой дядя увлекался нумизматикой... это наука о монетах...

– Да знаем мы, что такое нумизматика! – снова проговорил Игорь, а жена дернула его за рукав. – Давайте уже к делу!

– Я и перехожу к самому делу. Дядя показывал мне свои каталоги, учил различать старинные монеты, определять их происхождение и историю. Среди его каталогов был так называемый каталог Лидермайера, в котором имелось подробное описание самых редких и дорогих монет мира. Кстати, хочу обратить ваше внимание, что «самые редкие» и «самые дорогие» – это не одно и то же. Самыми редкими являются монеты, отчеканенные во времена римского императора-узурпатора Силбаннака, так называемые антонинианы, которых до нас дошло всего две штуки, или монеты другого узурпатора – Домициана II, их сохранилось тоже только два экземпляра, но они находятся в государственных коллекциях и никогда не выставались на продажу. Самая же дорогая монета, по результатам нумизматических аукционов, – это аурей Брута, того самого, который убил Цезаря.

– И ты, Брут... – вставил неугомонный Игорь, а Ольга снова дернула его за рукав.

– Эта монета была продана с аукциона за четыре с половиной миллиона долларов. Также очень дорогие динары династии Омейядов, один из которых ушел за шесть миллионов долларов, но еще дороже несколько редчайших американских монет – дублон Брашера, доллар «Распущенные волосы»...

– Слушай, ты нам что, лекцию читать собрался? – снова перебил его Игорь. – Переходи уже к делу!

– Да, конечно, извините... Так вот, в этом каталоге была описана еще одна монета – тетрадрахма Ирода Антипы. Она на самом деле может считаться самой редкой и дорогой...

– Может или так и есть? – прищурился Иннокентий Павлович.

– Может, – повторил Алексей. – Потому что на данный момент монета считается утраченной. Последний раз она упоминалась в конце девятнадцатого века, когда находилась в коллекции герцога Мекленбургского. Но после смерти последнего герцога монета исчезла и более никогда не появлялась. Однако существует ее подробное описание и несколько очень хороших гравюр, и я уверяю вас – эта монета перед нами!

– Так что, она может стоить несколько миллионов долларов? – с недоверием спросила Алена.

– Несомненно!

– Вы хотите сказать, что я ношу на шее такое сокровище? – делано рассмеялась Елена Юрьевна. – Ну, милый мой, уж простите, но я вам не верю!

– Дело ваше, – Алексей упрямо наклонил голову, – но все же покажите монету специалисту. Человеку, которому вы доверяете. И послушайте, что он скажет.

– Непременно покажу! – Елена Юрьевна надела цепочку и спрятала монету под ворот платья.

– Какое интересное завершение вашей истории! – с улыбкой сказал Глеб.

– Да уж... – Елена Юрьевна встала, и подскочивший официант тотчас придержал стул. – Что-то я устала сегодня. Глебушка, дорогой, вы не проводите меня до каюты?

– Почту за честь! – он подал ей руку и повел к двери.

Мария вовремя вспомнила о своем лице и встретила ехидный взгляд Алены так безмятежно, как будто она не женщина, а кабачок, зреющий на грядке.

Супруги Соловьевы дружно встали и ушли не прощаясь. Алексей смотрел в сторону, и губы его что-то едва слышно шептали. Иннокентий Павлович элегантно оперся на трость, серебряная рукоять которой была выполнена в виде собачьей головы, и тоже ушел, едва заметно поклонившись оставшимся дамам. Алена уткнулась в телефон и быстро нажимала кнопки. У Марии слегка шумело в голове от крепкого ликера, и она отправилась в каюту, чтобы немного отдохнуть.

– Какая чудная ночь! – Ольга томно вздохнула и облокотилась на перила, ограждающие палубу (Игорь недавно с умным видом сказал ей, что на корабле это не перила, а фальшборт). – Как будто мы не в холодном северном море, а где-нибудь в тропиках.

– Да, и правда неплохая ночка! – Муж небрежным жестом стряхнул пепел с сигареты за борт и взглянул на светящиеся следы, разбегающиеся по морю позади корабля. – Хорошо, когда можно соединить полезное с приятным!

– В такую ночь не хочется думать ни о чем полезном, только о приятном! – капризным тоном возразила Ольга.

– Но мы не можем забывать о том, ради чего здесь находимся!

– Ну забудем хотя бы этой ночью! – с придыханием сказала Ольга, которая выпила два коктейля, не считая вина за ужином.

– Забудем, забудем! – отмахнулся от нее Игорь и, указав на дверь одной из расположенных неподалеку кают, перешел на шепот: – Ох, ты только посмотри!

Дверь каюты люкс тихонько приоткрылась, и оттуда выскользнула загадочная тень.

Ольга вцепилась в руку мужа и прошипела ему в ухо:

– Это ведь дверь нашей маркизы!

Так они называли между собой Елену Юрьевну. Надо сказать, она у многих вызывала такое желание – дать ей хлесткое прозвище. Глеб с Марией называли ее веселой вдовой, Иннокентий Павлович – барыней, Алена – дамой из Амстердама. Как ее звал Алексей, никто не знал, он ни с кем не делился.

– Точно! – оживился Игорь. – Выходит, тетенька не промах, по ночам принимает мужчин! А что? Она еще женщина хоть куда! Многим молодым сто очков вперед даст!

– Заткнись, противный! – Ольга легонько шлепнула мужа по губам. – Тебе что, нравятся старухи?

– Да не такая уж она старуха... Хотя, конечно, в возрасте... но, наверное, кровь еще играет...

– Ты меня дразнишь, да? Пойдем лучше в нашу каюту, совместим приятное с полезным... – и она недвусмысленно прижалась к мужу высокой грудью.

Алексей еще раз оглянулся на темную дверь каюты и перевел дыхание. Это оказалось гораздо легче, чем он думал.

Старуха только пару раз дернулась, засучила ногами и затихла, но он на всякий случай подержал подушку еще минуту. Перед уходом он последний раз взглянул на нее, чтобы на всю оставшуюся жизнь запомнить это лицо – лицо холеной, ухоженной, бессердечной стервы.

Алексей подошел к фальшборту и глубоко вдохнул свежий, чуть солоноватый морской воздух, пахнувший ночью и свободой...

Всю свою сознательную жизнь он мечтал об этом. Мечтал отомстить женщине, которая лишила его всего – счастливого детства, любящего отца, блестящего будущего. Да и матери, в конечном счете, тоже лишила.

Отцу было уже под пятьдесят, когда он встретил эту хищницу, – самый опасный возраст для всякого мужчины. Возраст, когда он думает, что наступил последний момент, чтобы поймать свой шанс, вскочить на подножку последнего поезда, вернуть молодость... Возраст, когда хочется запрыгнуть на мотоцикл с длинноволосой красоткой и умчаться за горизонт в ореоле ее развевающихся волос... поскольку своих уже не осталось.

Когда Алексею исполнилось шесть лет, отец ушел из семьи к этой Елене Прекрасной.

Самая банальная история.

Времена были тяжелые, девяностые годы. Всем было трудно, а уж матери-одиночке... Отец присылал алименты, но это были сушие гроши, а потому мать билась как рыба об лед, чтобы прокормить и одеть Алешу, дать ему образование. А однажды случайно увидела их – бывшего мужа с Еленой.

Они вышли из дорожущего «мерседеса» и направились в ресторан. Отец был в шикарном пиджаке, а Елена... на ней было такое платье, что у матери заболела голова и потемнело в глазах. Она едва не упала тогда прямо на асфальт, и только мысль о сыне заставила ее уйти на подгибающихся ногах.

Придя домой, мать легла на диван лицом к стене и лежала так до самого вечера, пока Алеша наконец не попросил есть.

Потом доброжелатели ей объяснили, что отец к тому времени разбогател, но все его деньги проходили как черный нал, а официально он числился кладовщиком в магазине сантехники. С этой-то зарплаты и платил копеечные алименты.

Позднее, когда Алеша вырос и отец перестал перечислять даже те гроши, знакомые рассказали матери, что ее бывший муж легализовал свой бизнес и теперь стал крупным законопослушным предпринимателем.

– Когда-нибудь и ты получишь свою долю в этом бизнесе! – говорила мать с придыханием. – Тогда мы с тобой заживем, как люди...

Прошло еще несколько лет, и те же знакомые сказали, что Алешин отец умер.

– Ты должен получить свою часть его состояния! – заявила мать. – Даже если он тебе ничего не завещал, ты имеешь полное право... мы найдем юриста...

Придя на оглашение завещания, мать и Алексей узнали, что ничего не получают. Потому что отцу ничего не принадлежало – еще при жизни все его имущество было переведено на имя новой жены. На имя той самой Елены Прекрасной, которая сидела тут же и позволяла собой любоваться.

Исчезли длинные развевающиеся волосы, исчезла зазывная загадочная улыбка. Теперь, через двадцать пять лет, это была гладкая, холеная стерва, от которой так и веяло богатством. Она все еще была красива, но не природной красотой, а той, которая достигается регулярной работой косметологов и пластических хирургов.

В ее больших, дивного зеленого цвета глазах теперь светился только холодный расчет. Она бросила на Алексея один мимолетный взгляд, который и без юристов сказал, что у него нет ни единого шанса.

Этот последний удар добил мать. Она стала заговариваться, у нее начались приступы странного смеха, а через два года она умерла.

Тогда-то Алексей над ее могилой поклялся самому себе, что отомстит этой Елене Прекрасной. Отомстит за все... Ему не нужны были ее деньги, он хотел только ее смерти.

Он стал за ней следить – это было нетрудно, потому что сведения о богатых людях часто появляются в таблоидах. Без особого труда узнал, где она живет, в каких ресторанах бывает, на каких курортах отдыхает. В дорогие отели ему, конечно, было трудно попасть, но когда подвернулся этот круиз, он решился.

Алексей перекрасил волосы и стал носить очки с простыми стеклами. Полностью сменил гардероб и, рассматривая себя в зеркале, с удовлетворением заметил, что совершенно не похож на отца.

Эта стерва его не узнала – она всегда интересовалась только собой.

Он хотел подстеречь ее ночью и сбросить в море, но вышло еще лучше. После того как Елена Прекрасная поведала идиотскую историю про монету, Алексей мгновенно разработал план. Украд у горничной универсальный ключ, ночью он пробрался в каюту этой стервы и придушил ее подушкой. А уходя, взял с ночного столика монету, про которую нарочно наплел за ужином, что она необыкновенно ценная. Пусть думают, что старуху убили из-за этой монеты.

Когда месть свершилась, Алексей испытал сложное чувство: злую радость и одновременно опустошенность.

Он сделал то, ради чего жил последние годы – а что делать теперь?

Монету будут искать... Кто ее спер, тот и Елену пришил... Что ж, пусть ищут сколько угодно...

Алексей достал монету из кармана и замахнулся, чтобы выбросить ее в море, в светящийся пенный след, оставляемый кораблем... но тут чья-то сильная рука схватила его за запястье.

Он хотел повернуться и взглянуть на того, кто помешал ему довести дело до конца, однако не смог. Тонкий шнурок охватил его горло, сжал гортань... В глазах потемнело, ноги подогнулись. Шнурок затянулся туго, еще туго...

Алексей захрипел, замахал руками – и перестал существовать.

Злоумышленник проверил его карманы и, забрав мобильный телефон, перевалил тело через фальшборт... Оно с плеском погрузилось в тускло светящуюся воду и растаяло в глубине ночного моря.

«Рыбы сделают свое дело быстро, – подумал убийца, – через несколько дней его трудно будет опознать...»

Тот, кто подвел окончательную черту под жизнью Алексея, включил его телефон, написал в нем несколько слов и положил телефон на палубу.

Горничная подошла к двери третьего люкса и деликатно постучала. Ей никто не ответил.

Таблички «Не беспокоить» на дверной ручке не было, поэтому она постучала еще раз, сильнее. Ответа снова не последовало.

Решив, что пассажирка из третьего люкса уже ушла на завтрак, горничная достала универсальный ключ, открыла дверь и вошла в каюту...

После завтрака Мария отправилась на прогулочную палубу. По утрам она непременно делала несколько кругов быстрым шагом – не для того, чтобы поддерживать форму, просто ходьба всегда ей нравилась. Она успокаивала и придавала уверенности.

Дул легкий бриз, солнце отражалось в воде, огромный лайнер слегка качался на волнах, так что Мария чувствовала себя превосходно.

Проходя мимо люкса Елены Юрьевны, она невольно вспомнила услышанную вчера вечером историю. Надо же, какой сюжет! Прямо готовый рассказ или даже небольшая повесть... Все же интересно, рассказчица это придумала или так было на самом деле? Правда, все как-то не закончено. Вот она, Мария, придумала бы конец...

Мария покосилась на дверь. Елена Юрьевна не пришла к завтраку. Должно быть, разоспалась или решила пропустить – заботится о фигуре... Впрочем, несмотря на возраст, с фигурой у нее был полный порядок... А может, ей нездоровится? Пустое! Она здоровее всех, кто слушал ее вчера за столом. Мария снова мысленно упрекнула себя за то, что завидует Елене Юрьевне. Каюта люкс, бриллианты, а главное – непоколебимая уверенность в себе...

Дверь каюты оказалась приоткрыта, и Мария подумала, не заглянуть ли к соотечественнице и ненавязчиво поинтересоваться, отчего та не пришла на завтрак, но потом решила, что это будет неловко. Веселая вдова может вообразить, что она навязывается или пришла выяснять отношения. Потому что вчера после того, как Глеб с Еленой Юрьевной под руку ушли из столовой, Мария больше Глеба не видела. Неужели он с ней?.. А что? Оттого и на завтрак она не пришла...

Мария уже прошла мимо каюты, как оттуда внезапно донесся истошный вопль. Отбросив всякие сомнения, она бросилась к двери, толкнула ее, влетела внутрь...

В гостиной никого не было, а из спальни по-прежнему раздавался крик, постепенно переходящий в визг на грани ультразвука, от которого заломило виски.

Мария шагнула вперед...

Первое, что она увидела, – хорошенькую горничную-филиппинку, которая визжала, сжимая ладонями голову и с ужасом глядя на широкую кровать.

Проследив за ее взглядом, Мария обнаружила на этой кровати старую полураздетую женщину с широко открытыми, почти вылезшими из орбит красными глазами и разинутым в беззвучном крике ртом, в которой не сразу узнала Елену Юрьевну. Одеяло было сброшено, ночная рубашка задралась, обнажая неприлично молодые бедра.

К своему удивлению, Мария не впала в панику, не стала кричать и биться в истерику, как несчастная горничная, а мгновенно оглядела спальню, запоминая все детали. Как будто она была видеокамерой с огромной картой памяти, которая фиксировала все увиденное.

Впрочем, ничего особенного Мария не заметила: в помещении был относительный порядок (если, конечно, не считать мертвую женщину на кровати). На спинке стула висел розовый воздушный пеньюар, на прикроватной тумбочке лежала раскрытая книга, возле нее – старинная монета...

В следующую же секунду она сделала самое необходимое – залепила звонкую пощечину не перестававшей визжать горничной, и та сразу замолкла, как будто кто-то выключил звук невидимого радиоприемника.

Глаза девушки стали осмысленными, и, встряхнув черными как смоль волосами, она проговорила на вполне приличном английском:

– Нужно позвать дона Франсиско.

– Нужно, – поддержала Мария это разумное предложение. – А кто такой дон Франсиско?

– Помощник капитана. Второй помощник. Он отвечает за персонал и за всякие непредвиденные обстоятельства. Вроде этого, – она боязливо кивнула на кровать.

– Очень хорошо, – одобрила Мария и машинально поправила ночную рубашку на мертвой женщине. – Можешь сходить за ним! А я здесь пока побуду.

– Зачем ходить? – Горничная сняла с пояса небольшое переговорное устройство и залопотала по-испански.

В ожидании дона Франсиско прошло несколько минут. Горничная все это время стояла, закрыв лицо руками, а Мария внимательно осматривала помещение. Жаль, что нельзя ничего трогать, в противном случае она проверила бы наличие серег с крупными бриллиантами и еще кое-чего. Потому что первое, что приходило ей в голову, – это ограбление. Елена Юрьевна явно не бедствовала, и вору было чем поживиться.

Но зачем убивать? Можно было спокойно забрать у спящей ценные вещи и тихонько выйти. А что, если Елена Юрьевна проснулась и застала злоумышленника на месте преступления?

ния? Мария была уверена, что в таком случае она заорала бы так громко, что хоть кто-нибудь да услышал бы. Но, похоже, ночью было все тихо.

Тут открылась дверь, и в каюту вошел высокий подтянутый брюнет неопределенного возраста, в отглаженной униформе с золотыми шевронами, с тщательно уложенными волосами и выражением обидчивой гордости на лице.

При виде этого лощеного испанца Мария с огорчением вспомнила, что не причесана, не накрашена и одета в поношенные трикотажные штаны и футболку с Гарри Поттером. Кстати, футболку эту ей подарили на вечере по случаю годовщины работы издательства. Всем авторам дарили подарки, но Марию пригласили в последний момент, так что подарка ей не хватило, и администратор вытащила откуда-то эту майку. Мария тогда не обиделась, решив, что всякое даяние – благо, а футболка всегда пригодится.

Вот и пригодилась. Ходила Мария в ней по палубе, никого не встречая, а теперь в таком виде... впрочем, лучше так, чем как Елена Юрьевна.

Дон Франсиско что-то строго сказал по-испански горничной, потом повернулся к Марии и на прекрасном английском спросил, кто она такая и что здесь делает.

Мария ответила, что случайно проходила мимо и услышала крик, что знает умершую, поскольку та – ее соотечественница и прошлым вечером они сидели за одним столом, и что прежде, за пределами этого корабля, они никогда не встречались. Также она хотела поведать, что накануне Елена Юрьевна показывала своим сотрапезникам некую монету, но дон Франсиско не стал ее слушать и, замахав руками, сообщил:

– Потом, потом, все потом! Через полчаса все, кто сидел за одним столом с умершей, должны собраться в салоне на третьей палубе. – И добавил с неожиданным смущением: – А вас, если можно, прошу поработать переводчиком. У вас очень хороший английский.

Мария почувствовала себя польщенной, и все оставшееся до встречи время потратила на то, чтобы привести себя в порядок. Она причесалась и накрашила глаза, а затем долго решала, что надеть. Выбирать было особо не из чего, всего-то два платья с собой взяла и, если честно, оба ей не нравились. В итоге остановилась на самом темном, с неявным рисунком.

В результате, когда она вошла в салон, там уже собрались почти все участники вчерашнего застолья.

– Некоторые не торопятся! – сварливым голосом проговорила Алена, взглянув на часы.

– Все равно еще не все пришли, – примирительно проговорил Игорь.

– Как это – не все?

– Алексея нет, и маркиза наша отсутствует, ну это как раз неудивительно...

– А вообще, кто-нибудь знает, зачем нас здесь собрали? – Алена пристально взглянула на Марию, отметив и макияж, и платье.

Сама Алена была в джинсовых шортах и коротеньком ярком топе, видимо, загорала на верхней палубе. Игорь был в яркой расстегнутой рубашке, его жена – в коротеньком халатике, из-под которого выглядывало бикини.

Мария отвела глаза. На ее счастье, в этот самый момент в салон вошел дон Франсиско и, оглядев присутствующих, сказал:

– Здравствуйте, дамы и господа. Позвольте начать. Я – второй помощник капитана...

– Нам кто-нибудь переведет? – забеспокоился Игорь. – Мы с женой по-английски ни в зуб ногой.

– Я буду переводить, – сообщила Мария. – Это второй помощник капитана Франсиско Гонзалес.

– А что случилось-то?

Мария сделала жест – мол, сейчас все узнаете, и испанец продолжил:

– Я собрал вас здесь, чтобы сообщить чрезвычайно неприятное известие...

– Ревизор. Первая сцена, – с усмешкой проговорила Алена. – Приятно услышать что-то родное...

– Что еще стряслось? – шутливо всполошился Глеб. – На лайнере кончилось шампанское?

– Да черт бы с ним! – подхватил шутку Игорь. – Вот если бы водка кончилась, тогда и правда кранты!

– Господа, будьте серьезны! – воззвал дон Франсиско. – Этой ночью одна из ваших соотечественниц скоропостижно скончалась.

– Что? Кто? – заахали присутствующие.

– Елена Юрьевна? Наша маркиза? – быстро сообразила Ольга и многозначительно переглянулась с мужем.

– Не нужно большого ума, чтобы догадаться! – хмыкнула Алена. – Кроме нее, все женщины присутствуют здесь.

– Так вот, я собрал вас, чтобы выяснить все обстоятельства, связанные с ее смертью. Поскольку мы находимся на корабле, по закону вся полнота власти здесь принадлежит капитану, а он, в свою очередь, доверил мне провести предварительное следствие...

– Следствие? – переспросил Игорь. – А что, с ее смертью что-то не так?

Мария машинально отметила, что еще не успела перевести эту фразу на русский, а Игорь уже на нееотреагировал. Надо же! А сказал, что по-английски не знает ни слова...

Дон Франсиско еще раз оглядел присутствующих и проговорил внушительным тоном:

– Да, в ее смерти есть некоторые подозрительные детали, дающие основания подозревать злой умысел...

«Да уж, – подумала Мария. – Женщину явно задушили – очень подозрительная деталь!» Игорь и Ольга снова переглянулись.

Дон Франсиско спросил, собрались ли здесь все, кто был вчера за столом.

– Нет еще одного человека, Алексея... – начала Мария.

– Хорошо, тогда начнем пока без него. Итак, что вы, Мария, делали вчера вечером?

– Я? – Мария была неприятно поражена, что Франсиско начал с нее. – Постойте... Мы все после ужина слушали рассказ Елены Юрьевны о старинной монете. Потом все разошлись. Я пошла сначала в каюту, потом в музыкальный салон, посидела там примерно час, может, чуть больше, потом прогулялась по палубе и пошла спать.

– И что, кто-то может это подтвердить? – презрительно спросила Алена.

– Ага! – глаза Марии блеснули. – Ко мне подсел один англичанин – такой худой и высокий, лет примерно восьмидесяти, может и больше, у него еще нога в такой штучке – не то протез, не то костылик такой. Так вот он сразу признался, что танцор из него никудышный, зато он может угостить меня коктейлем.

– И угостил? – нахмурился Глеб.

Мария хотела ответить ему в духе кота Матроскина – мол, а вы, собственно, почему интересуетесь, но решила, что сейчас неподходящее время.

– Мы чудно поболтали за коктейлем. А потом я пошла спать. Удовлетворены? – Она повернулась к Алене. – А вы сами-то что делали после ужина?

– Да ничего, – огрызнулась та. – Англичанин не обратил на меня внимания, так что я была в своей каюте и работала за компьютером. Я – блогер, если кто-нибудь здесь знает, кто это такой.

– И вы можете это доказать? – Мария решила добить нахальную девицу.

Но ее перебила Ольга:

– Слушайте, это все пустое. Мы с Игорем видели, как из каюты Елены Юрьевны кто-то выходил ночью. Теперь ясно, что это был убийца. И произошло это во втором часу ночи.

– Двадцать минут второго, – добавил ее муж.

– Ну, в это время мы все уже видели десятый сон! – протянул Иннокентий Павлович.

– Запишите ваши показания. Но где же еще один пассажир? – Франсиско обвел глазами присутствующих.

В эту минуту дверь салона открылась, внутрь проскользнул невысокий лысоватый человек в морской униформе, подошел к дону Франсиско и что-то прошептал ему на ухо. Помощник капитана посмотрел на него с прежней обидчивой гордостью. Человек что-то еще сказал по-испански и протянул шефу мобильный телефон.

Дон Франсиско взглянул на экран, чуть заметно поморщился и проговорил:

– Дело приобрело неожиданный оборот...

– Что еще? – проворчал Глеб.

– Этой ночью один из участников вчерашнего застолья покончил с собой...

– Вот дерьмо! – выдохнул Игорь.

Мария снова отметила, что он отреагировал на слова помощника, не дожидаясь перевода.

– Да, так вот, повторяю, этой ночью один из ваших соотечественников, Алексей Антипов, покончил с собой, прыгнув в море. Он оставил на палубе свой телефон с предсмертной запиской, в которой признается в убийстве Елены Коврайской...

– Ни фиги себе! – ахнули хором Игорь и Глеб.

И даже, кажется, интеллигентный профессор Иннокентий Павлович пробормотал крепкое словечко.

Дон Франсиско протянул Марии включенный телефон:

– Синьора Мария, будьте любезны, прочтите дословно, что здесь написано!

Мария взглянула на экран и прочла:

– «Это я убил Елену. Я отомстил ей за себя и за свою мать. Елена увела из семьи моего отца, Антона Коврайского, и лишила меня наследства. Она должна была умереть – и умерла. Я долго готовил это убийство. Следил за ней, решил вместе с ней ехать в круиз, нарочно рассказал про монету, которая якобы очень дорогая, чтобы убийство списали на ограбление... Я сделал это, я задушил ее ночью во сне. Месть свершилась, но я понял, что не смогу после этого жить. Но я ни о чем не жалею, так как справедливость восторжествовала».

– Он был ее пасынком? – удивленно проговорила Ольга. – Никогда бы не подумала!

– Но он же был Антипов... – протянул Игорь.

– Мы сделали запрос российским службам и выяснили, что первоначальная фамилия Антипова – Коврайский, но он изменил ее, взяв девичью фамилию матери.

– Мексиканский сериал! – фыркнула Алена.

– Так, значит, про монету он все наврал и она совершенно не ценная? – протянул Глеб.

– Но ведь монета... – начала было Мария, но дон Франсиско ее перебил:

– Так или иначе мы считаем, что убийца Елены Коврайской установлен, значит, круиз будет идти своим чередом. И я убедительно прошу всех присутствующих не рассказывать остальным пассажирам о том, что вам стало известно...

– Да мы с женой при всем желании ничего им не сможем рассказать, – ввернул Игорь. – Мы ведь ни слова не знаем ни по-английски, ни по-немецки...

– Так что, мы можем расходиться? – осведомилась Алена.

– Можете.

– И в Киле можно будет сойти на берег? – спросила Ольга.

– Не вижу никаких препятствий...

Однако, когда лайнер подошел к Килу, зазвучали какие-то команды, корабль перешел на самый малый ход, а потом и вовсе остановился на внешнем рейде.

Пассажиры, уже приготовившиеся к выходу в город, столпились на прогулочной палубе.

– Что случилось? – спросила Ольга, заметив в толпе Марию. – Почему мы остановились?

– Я знаю не больше, чем вы. – Мария пожалала плечами.

– Уж будто! – Ольга взглянула недоверчиво. – У вас же какие-то особые отношения с тем красавцем, помощником капитана...

– Да нет у меня никаких особых отношений! – возмутилась Мария. – Ни с ним, ни с кем-то еще. Я просто знаю язык...

Внезапно она почувствовала, что краснеет, и от этого рассердилась еще больше.

– Ну конечно... – протянула Ольга с плохо скрытым сарказмом.

К счастью, к ним подошел Глеб и прервал неприятный диалог:

– Смотрите-ка, кажется, к нам гости...

Действительно, к лайнеру приближался катер с надписью «Polizei» на борту.

Увидев неподалеку дон Франсиско, Мария протиснулась к нему и спросила:

– Что случилось? Почему мы не подходим к берегу?

– Это из-за известных вам событий.

– Но ведь вы сказали, что дело закрыто. Убийца Елены Юрьевны признался...

– Это так, но немецкая полиция хочет осмотреть корабль. Они считают, что убийца мог инсценировать самоубийство и спрятаться на корабле или попытаться в Киле сойти на берег под чужим именем. Поэтому стоянка в Киле, к сожалению, откладывается до завершения следственных действий. Сообщите это своим соотечественникам...

Дон Франсиско удалился, чтобы встретить полицейских, а Мария вернулась к своим попутчикам и рассказала о том, что ей удалось узнать.

– Черт... – Ольга буквально перекосилась. – Я так хотела сойти на берег...

– Не переживай, дорогая! – Игорь нежно погладил ее по руке. – Жизнь на этом не кончается! Ничего страшного, нам придется просто немного подождать...

Ольга буквально обожгла его взглядом и отошла в сторону. Мария исподтишка посмотрела ей вслед. Какая-то эта Ольга сегодня нервная, дерганая. Ну да, конечно, ничего удивительного, это убийство кого угодно выведет из себя.

Кого угодно, только не Ольгу, тут же поправила Мария. Эта Ольга производила впечатление человека, которому все на свете по фигу. Она усиленно пользовалась всеми благами, которые предоставлялись в круизе, остальное ее не интересовало. Убийство престарелой богатой вдовы? Да и черт с ней. Пасынок выследил и отомстил? Уж, верно, за дело. Отомстил и покончил жизнь самоубийством, замучившись совестью? Ну и дурак! Говорил же известный сатирик, что совесть – это греческое слово, мы его не понимаем.

Так что нервничала эта Ольга вовсе не из-за убийства.

Мария заметила, что, когда к ней подошел муж, он не стал утешать ее и гладить по плечу, а вместо этого наклонился и сказал что-то на ухо, причем лицо его было перекошено от злости...

Но никакого скандала не случилось. Ольга кивнула и оглянулась на Марию, а та едва успела отвести взгляд.

Полицейский катер подошел к лайнеру, и несколько бравых мужчин в униформе поднялись по трапу. Дон Франсиско встретил их и коротко переговорил, после чего всех пассажиров попросили разойтись по каютам.

Немецкие полицейские несколько часов обыскивали корабль, потом небольшими группами приглашали пассажиров в большую гостиную на третьей палубе, где проверяли их документы.

На это ушел целый день, и вечером дон Франсиско сообщил, что стоянка в Киле отменяется, поскольку корабль должен следовать дальше по маршруту.

Все устали и были расстроены, но Ольга буквально вышла из себя, так что Игорь с трудом смог ее успокоить. Схватив жену за руку, он потащил ее в каюту, причем было видно, что ей больно.

– Лопнуло терпение у мужика, – сказал Иннокентий Павлович, глядя им вслед. – Ох, отлупит он ее в каюте...

Мария поежилась от таких слов, а профессор усмехнулся:

– Иногда это бывает необходимо. Порой дама сама нарывается, разве не так?

– Не знаю, меня никто никогда не бил, – сухо сказала Мария, – ни родители, ни муж...

– Ах, значит, вы были замужем? – протянула подошедшая неслышно Алена. – И что, он вас бросил?

«Не твое собачье дело!» – Мария постаралась как можно яснее выразить это глазами.

Алена фыркнула, стало быть, дошло.

В качестве слабой компенсации за ужином всех пассажиров угостили бесплатными коктейлями, и лайнер отправился дальше по маршруту.

Через два дня лайнер вернулся в Петербург.

Любимый город традиционно встретил прибывших небольшим дождичком, но Мария решила не обращать внимания и даже зонтик не стала доставать, а просто накинула капюшон куртки.

Направляясь в сторону трапа, она столкнулась с Глебом.

– Увы, все в этой жизни кончается! – проговорил тот, улыбаясь. – Особенно хорошее.

Мария отвернулась. С тех пор, как три дня назад произошло убийство, она избегала Глеба. И не только его. Не хотелось никого видеть, перед глазами стояло жуткое лицо Елены Юрьевны с вытаращенными глазами и высунутым языком. Надо же, а Мария еще завидовала веселой вдове! Ее бриллиантам, ее независимости, а самое главное – ее непоколебимой уверенности в завтрашнем дне! И вот такой конец. Сейчас Марии было очень стыдно.

Она вспомнила, как хотела написать детектив в духе Агаты Кристи! А жизнь сама такой детектив преподнесла... Убийство на круизном лайнере! Вот и готовое название. Нет, все же нехорошо пользоваться несчастьем ближнего. Хотя... Елене Юрьевне ничего уже не повредит. И Алексею тоже.

Тем не менее Мария сократила до минимума общение с соотечественниками. Завтракала рано, когда в столовой еще никого не было. На ужин приходила позже всех, быстро съедала все, что подавали, и уходила. Вечерами сидела в музыкальном салоне. Пианист, запомнив ее, пытался было играть русские мелодии, но Мария убедила его, что это ни к чему.

Глеб пробовал вернуться к их доверительным беседам, но Мария дала ему понять, что ее больше не интересуют его приключения на Майорке или поездки на мотоцикле по горным дацанам Непала, и он в конце концов оставил ее в покое.

– Ну, наш круиз был кое-чем омрачен... – ответила Мария лишь для того, чтобы не показаться невежливой.

– Зато мы познакомились. И можем наше знакомство продолжить – если, конечно, вы не против.

Вот как? Он хочет продолжить знакомство? Мария замешкалась с ответом, и Глеб поспешно добавил:

– Я только хотел предложить подвезти вас до дома. Я уже и такси вызвал...

Мария не успела ответить, поскольку рядом с ней появилась Алена и прошипела ей в ухо:

– У вас куртка порвалась на самом интересном месте!

Мария залилась краской и шмыгнула в ближайший туалет.

Положив сумку на столик возле раковины, она сняла куртку и осмотрела ее. Куртка действительно разошлась по шву и наполовину оторвался карман. Но этой заразе Алене вовсе незачем было говорить гадости.

Интересно, где Мария умудрилась так зацепиться?.. Заколов карман булавкой, она подумала, что порванное место можно прикрыть сумкой, но о том, чтобы в таком виде ехать с Глебом, и речи быть не могло. Что он о ней подумает?

Она зашла в кабинку, а когда вышла оттуда, увидела со спины женщину, которая держала в руках ее сумочку.

– Извините, это моя сумка! – проговорила Мария по-английски.

Женщина вздрогнула и обернулась. Ею оказалась Ольга Соловьева.

– Это моя сумка! – повторила Мария по-русски.

– Ох, правда, я вижу! – проговорила Ольга смущенно. – Где-то оставила свою сумочку и не могу найти...

Мария ничего не сказала, но взглянула очень выразительно. Ольга фыркнула, пожала плечами и выскользнула из туалета.

Мария немного выждала и последовала за ней, прижимая сумочку к порванному карману.

На палубе она первым делом столкнулась с Аленой.

– Вы ведь в Озерках живете? – спросила та.

– Да... – подтвердила Мария удивленно. Ее удивило, откуда Алена знает, где она живет и почему ее это вообще интересует. До сих пор блогерша не проявляла к ней ни малейшего интереса. Ну, говорила изредка гадости, но не больше, чем другим.

– Нам по пути, – сообщила Алена. – За мной машина уже подъехала, я могу вас подвезти.

Мария замешкалась, не зная, как отнестись к такому предложению, и Алена настойчиво проговорила:

– Соглашайтесь!

При этом она выразительно взглянула на сумочку, которую Мария прижимала к порванной куртке.

В эту минуту рядом с ними появился Глеб.

– Ну так как? – спросил он. – Подвезти вас?

– Извините, меня встречают, – ответила Мария, незаметно переглянувшись с Аленой.

– Ну нет так нет... – в голосе Глеба прозвучало разочарование.

– Всего вам доброго... – Мария постаралась улыбкой смягчить отказ, но Алена дернула ее за рукав.

– Идемте скорей, там стоянка запрещена, водитель уже нервничает.

В машине Алена, как обычно, уткнулась в телефон и не произнесла ни слова. Когда Марию довели до дома, она поблагодарила водителя, тот молча вынул чемодан из багажника, и машина уехала. Денег с нее не взяли. Ну что ж, и на том спасибо!

Надежда выскочила из маршрутки и покачала головой. Она опаздывала на десять минут и попросила водителя остановиться на переходе. Тот вроде и кивнул, но тем не менее проехал до остановки. А опаздывать Надежда Николаевна не любила, эта привычка осталась у нее со времен работы в режимном НИИ, где и на минуту опоздать было нельзя. Тетки на вахте ни за что не выдали бы пропуск, да еще скандал подняли бы. Вот и неслись все с автобусной остановки, как спринтеры на чемпионате мира, – и молодые, и пожилые. Одна женщина бежала так, что прямо на проходной упала и умерла. Сердце не выдержало. После этого сделали небольшое послабление: на две минуты опоздать было можно, однако хватило этого разрешения только на пару недель, а потом – снова-здорово.

Надежде не повезло: она подошла к переходу как раз на красный свет. Пока ждала, пока бежала обратно... Да еще с ходу проскочила дверь ресторана... В сумочке заиграл мобильник. «Ну ясно, Машка звонит, у нее терпение лопнуло», – поняла Надежда Николаевна и, выхватив телефон, заорала:

– Да!

– Слушай, ты от дома пешком, что ли, идешь? Или улиткой ползешь? – ехидно спросили в трубке. – Полчаса уже тебя жду!

Ну, насчет полчаса – это поэтическая гипербола. Надежда точно знала, что опаздывает на пятнадцать минут. Но Машка теперь писательницей заделалась, так что все преувеличивает.

– Иду уже, дверь только никак не найду! – оправдывалась Надежда на бегу. – Вроде бы я тот ресторан проскочила.

– Развернись и разуй глаза! – посоветовала Машка. – Там вывеска наверху.

Помогло, и через две минуты Надежда Николаевна уже входила в небольшой, всего столиков на десять, ресторан. Машка замахала ей из самого дальнего угла.

– Выглядишь прекрасно! – сказала Надежда, нисколько не кривя душой, и подруги расцеловались. – Похудела, загорела, посвежела... этот круиз тебе явно пошел на пользу.

– Угу... – Мария уткнулась в меню, но Надежду не так-то просто было провести.

– Что не так? – спросила она и тут же изумленно ахнула, увидев цены. – Слушай, ты почему такой дорогой ресторан выбрала? Пошли бы куда попроще...

– А потому, что тут народу никогда не бывает, цены отпугивают. Надо поговорить, никто мешать не будет. Я угощаю.

– Да ладно, не обеднею я! – Надежда махнула рукой. – Сама говорила, что все деньги на этот круиз ухнула.

– Видит Бог, как я об этом жалею, – вздохнула Мария.

Подошла официантка, и Надежда Николаевна заказала филе лосося, поскольку руководствовалась правилом: если в меню есть рыба, то заказывать ее, если же нет – тогда можно индейку или курицу, а уж если нет ни того, ни другого – тогда стейк. Правда, в такие рестораны, где нет ничего кроме мяса, она не ходила.

– Весь круиз только рыбу и ела! – поморщилась Мария и заказала медальоны из телятины.

– Что пить будете? – спросила официантка, протягивая красиво оформленную карту вин.

– Ну, если чуть-чуть... – Надежда взглянула на часы.

Выбрали белое вино, причем Мария в разговоре с официанткой показала знание предмета.

– Я смотрю, ты там, в круизе, натренировалась.

– Угу, с одним англичанином познакомилась, он меня и ввел в курс дела, – кивнула Мария.

– Да ты что? Расскажи про англичанина! – оживилась Надежда Николаевна.

– Ну, ему восемьдесят два года, у него большие проблемы с ногой – не то протез, не то костыль какой-то хитрый... а так поговорить очень даже может.

– Издеваешься. – Надежда покачала головой и произнесла повелительным тоном: – Давай рассказывай все подробно! Что там с тобой стряслось?

– А заметно?

– Ну, постороннему человеку незаметно, но мы с тобой сколько лет знакомы?

– Столько не живут! – отшутилась Мария, и Надежда Николаевна не могла с ней не согласиться.

И то правда, знакомы они были сто лет. И главное, Надежда не помнила уже, при каких обстоятельствах это произошло. В институте вместе не учились, в школе тоже. Детей, что ли, водили в один садик? Или в кружок какой-нибудь?.. Нет, не вспомнить.

– Как дочка? – поинтересовалась она у подруги. – Наташка твоя как?

– Нормально все у нее, – отмахнулась Мария. – Живет с парнем уже полтора года, вроде бы все хорошо, но не женятся. Не хочу, говорит, себя связывать узами брака.

– Это она нарочно так говорит, потому что он жениться не хочет.

– Я тоже так думала и сказала ей как-то – так только на хамство нарвалась. Вот ты, говорит, сочеталась законным браком в свое время, а что толку? Прожили вроде бы долго, а потом папочка взял да вильнул налево. Все бросил и ушел, ни ты ему не нужна, ни я. Так зачем мне на такое дело силы и молодость тратить? Я лучше карьерой займусь и вообще для себя поживу.

– А что ты в браке ее родила и вырастила – это как? – прищурилась Надежда.

– А она не просила ее рожать!

– Как-то это все инфантильно, по-детски, так обычно подростки отвечают, – заметила Надежда. – Ладно, рассказывай, как у тебя дела. Только подробно.

И подруга рассказала Надежде Николаевне все, что случилось с ней в круизе.

– С ума сойти, как интересно! – протянула Надежда. – Ну, Маша, это же готовый детектив. Садись и записывай! Ты ведь писательница, тебе и карты в руки.

– Не все так просто. – Подруга решительно отодвинула пустую тарелку. – Надя, мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы ты расследовала это дело для меня.

– Я? – Надежда по привычке сделала большие глаза.

– Оставь! Сама говорила, что мы сто лет знакомы!

Надежда Николаевна уткнулась в тарелку, чтобы не наговорить лишнего.

Была в ее жизни тайна, точнее тайное хобби. Надежда Николаевна Лебедева просто обожала разгадывать всевозможные криминальные загадки и расследовать преступления.

Началось это давно, и поначалу она помогала друзьям или родственникам, попавшим в непростую ситуацию, затем – просто знакомым, а потом и вовсе посторонним людям. А поскольку после увольнения из НИИ свободное время всегда можно было найти, то потихоньку она увлеклась. И надо сказать, неплохо справлялась. Конечно, случилась пара-тройка проколов, но Надежда предпочитала о них не вспоминать.

И все было бы хорошо, если бы не муж.

Однажды Надежда сделала большую глупость – рассказала обо всем Сан Санычу, и в результате получила полноценный скандал едва ли не с битьем посуды. Притом что Сан Саныч был человеком очень воспитанным и сдержанным. Уж больно он испугался тогда за жену.

После этого Надежда Николаевна приняла мудрое решение – ничего мужу не рассказывать. Она не врала, а умалчивала (хотя врать тоже иногда приходилось, но Надежда считала, что это ложь во спасение ее брака). И очень тщательно следила, чтобы до мужа ничего не дошло от ее многочисленных знакомых. Мало ли кто что ляпнет, не подумавши, а Сан Саныч – человек умный и проницательный, сопоставит данные и обо все догадается. И тогда страшно представить, что будет. Даже до развода может дело дойти.

И хотя Надежда Николаевна мужа любила, но отказаться от расследований не могла.

– Ну вот, – вздохнула она наконец, – ты тоже знаешь. Тебе-то кто разболтал?

– Да все знают! – отмахнулась Мария. – Но ты не бойся, никто твоему муженьку не стукнет. Так что соглашайся.

– Да что ты ко мне пристала? Какое расследование? – завопила Надежда. – Сама же сказала, что тот парень, как его... пасынок ее... оставил письмо, где во всем признался. Значит, дело закрыто, тебе-то для чего в нем копать?

– Оно конечно, дело закрыто, убийца признался. Но я ведь была у нее в каюте и все видела собственными глазами. И вот что я тебе скажу, – Мария смотрела серьезно, – монета была не та.

– Как это? – оторопела Надежда. – Почему не та?

– Потому что ее подменили! Не забывай, что ту, первую, я тоже видела вблизи. А та, что лежала на столике у кровати, – совсем другая была.

– Глупости!

– Вовсе нет. Понимаешь, когда Елена Юрьевна за ужином показывала нам эту монету, я ведь рядом сидела. И даже в руки ее взяла. И почувствовала такое... вот как будто идешь

по болоту, а трясина все глубже, и чувствуешь, что заблудилась уже и не выбраться, и никого рядом нет, чтобы помог. И вдруг тропка узкая, взбираешься по ней – а там болото кончается, и впереди полянка солнечная, вся в цветах, и пахнут те цветы так хорошо... То есть сразу легко так на душе и радостно...

– Ну, Мария, надо же, как все описала...

– Так и было, я ничего не придумала. А когда на ту монету в каюте посмотрела, то ничего не почувствовала, совсем другая она была, вот.

– Ты точно знаешь?

– А за кем я, по-твоему, замужем была? – Мария пожала плечами. – Бывший мой где работал? В химической лаборатории. Там, знаешь, они чего только не химичили. Взять обычную монету, обработать ее специальным составом, капнуть кислотой – и вот пожалуйста, раритет, антикварная ценность. Да он при мне этот фокус показывал, когда у нас еще период ухаживания был!

– То есть ты хочешь сказать, что кто-то убил вдовушку, подменил монету и свалил все на Алексея?

– Нет, мне потом Франсиско сказал, что полицейские нашли в каюте его следы. Он Елену Юрьевну подушкой задушил. Потому и дело закрыли. А кто-то его утопил и в телефоне написал признание.

– Машка, это твои домыслы. В тебе говорит Агата Кристи, собрат по перу!

– Вот и помоги мне разобраться во всем! Помоги, очень прошу. Потому что Глеб...

– Ага, значит, все-таки Глеб... – удовлетворенно произнесла Надежда Николаевна и махнула рукой официантке, чтобы принесла меню десертов.

В конце концов, они с Машкой раз в сто лет встречались, могли и лишнего позволить.

– Да ничего это не значит! – Мария всерьез рассердилась. – Вот честно тебе говорю: на меня эта история так повлияла, что я хотела бы забыть этот круиз, как страшный сон. Но не получается. Потому что Глеб просто не дает покоя. Звонит, приглашает куда-то...

– А куда? – оживилась Надежда. – В ресторан или в театр?

– А это важно? – удивилась Мария. – В музей. В Русском музее как раз выставка открылась, он позвонил и сказал: «Давайте сходим, вы же сами говорили, что этого художника любите».

– А ты правда говорила?

– Да я много чего говорила поначалу, когда хотела произвести на него впечатление, – с досадой призналась Мария, – всего не упомяну. А после того, как убийство случилось и я обнаружила, что монету подменили, у меня перед глазами одна картина стоит: Глеб и Елена Юрьевна после ужина идут под ручку в сторону каюты вдовы. Вот что он там делал, скажи на милость?

– А ты его спрашивала?

– Да его полицейские об этом спрашивали, он сказал, что только проводил даму до каюты, да и пошел к себе. Потом в баре сидел, его там Ольга с Игорем видели.

– Ну тогда...

– Ой, Надя, я никому не верю! Кто-то же ее убил! А про монету знали всего восемь человек – те, кто за столом сидел. В общем, так. Мне надо знать точно, в противном случае я все время об этом думать буду, и никаких отношений у нас с Глебом не получится. А вдруг это мой последний шанс встретить приличного мужчину? Мне не двадцать лет, особо в очередь никто не стоит. – Мария тяжело вздохнула и закончила: – Конечно, я не стала бы за ним бегать, но он вроде не против, сам звонит... Ну, поможешь?

– Ладно. – Надежда увидела, что ей несут огромный десерт, но тут же заглушила муки совести, решив оставить их на завтра по методу незабвенной Скарлетт О'Хары.

Минут на десять разговор стих – дамы были заняты десертом.

– Бумага у тебя есть, писательница? – наконец произнесла Надежда Николаевна, сделав глоток кофе и достав из сумочки ручку.

– Откуда? Я романы на компьютере ваяю.

– Значит, так, – Надежда взяла салфетку, – получается, что этот Алексей про монету все наврал. Но кто-то ему поверил и решил, что монета очень ценная.

– Или раньше про эту историю что-то знал... – вставила Мария. – И потом, я вот вспоминаю тот разговор – уж очень складно Алексей выражался. Как по писаному чесал. Но не каждый человек так вот просто, экспромтом, придумает историю про монету...

– погоди, не путай меня. Значит, что мы знаем точно? Что покойная вдовушка получила эту монету, считай, обманом, что записка предназначалась какой-то другой Елене. Она же не поленилась, пошла в квартиру и нашла там монету. И зачем-то стала носить ее на шее как кулон. За что и поплатилась. Хотя... мстительный пасынок и так бы ее прикончил.

– Записку написал какой-то Виктор, – подхватила Мария, – который сорок пять лет жил в доме напротив Константиновского сквера.

– Правильно, значит, оттуда и будем танцевать! Я завтра отправлюсь на это место, а ты, когда позвонит твой Глеб, согласишься на встречу и ненароком заведешь разговор про убийство...

– Ой, боюсь! А вдруг это он?

– Тогда просто поговори про круиз, про соседей по столу, сама утверждала, что он очень наблюдательный, возможно, что-то он интересное заметил. А если он тебя куда-нибудь пригласит, то соглашайся, в музей-то он тебе ничего не сделает. Ну, потом кофе можно выпить где-нибудь, это очень способствует доверительной беседе.

– Ой, Надя, у меня просто камень с души свалился!

Счет дамы оплатили все же пополам.

Утром, проводив мужа на работу, Надежда Николаевна засобиралась по поручению подруги. Настроение было прекрасное, как и погода – не жарко, но солнышко светит, и ветра нет. Надежда хотела надеть новое летнее платье, но, поразмыслив, передумала и оделась поскромнее. И пиджачок накинула серенький, и сумку взяла недорогую.

Доехав до Константиновского сквера, она вышла из маршрутки и огляделась.

Сквер млеет под летним солнцем, землю покрывал густой слой тополиного пуха, который закручивался маленькими живописными смерчами. Несколько скамеек стояли в окружении густых кустов, так что из окон соседних домов нельзя было разглядеть тех, кто на них сидел. И только одна скамья стояла на открытом месте и была хорошо видна из окон пятиэтажного каменного дома с лепным фасадом.

Стало быть, именно на этой скамейке сидела Елена Коврайская, вытирая слезящийся глаз. А в той самой пятиэтажке жил таинственный Виктор...

Надежда подошла к дому. Перед подъездом стояла еще одна скамья, на которой сидела маленькая худенькая старушка в белой детской панамке, доверчиво взирая на мир блекло-голубыми глазами. Казалось бы, зачем сидеть перед подъездом, когда рядом есть сквер, где полно свободных скамеек, а перед глазами какая ни на есть природа, какие ни на есть зеленые насаждения? Но Надежда от природы была хорошим психологом и поняла, что старушка жила одна и потому скучала. А тут, возле подъезда, ходили живые люди, и с ними всегда можно было поговорить.

Надежда Николаевна остановилась перед скамьей, сделала крайне утомленный вид, перевела дыхание и вежливо спросила:

– Вы позволите с вами присесть?

– А чего же не позволить? – Старушка благосклонно взглянула на скромно одетую усталую женщину, не вызывающую никаких подозрений. – Садись, места на двоих хватит.

Надежда села, вытерла лоб носовым платком и замолчала, оглядываясь по сторонам. Она знала, что лучший способ разговаривать человека – это молчать, пока он сам не начнет разговор. Так оно и вышло.

Старушка терпела три или четыре минуты и наконец проговорила:

– А ты в гости к кому-нибудь приехала?

– Да нет, не в гости, – и Надежда снова замолчала.

– По делу, что ли? – в голосе старушки прозвучал неподдельный интерес.

– Можно сказать, по делу.

Старушка сгорала от любопытства, и тогда Надежда Николаевна сделала первый ход:

– Квартиру я в этом доме прикупить хочу. Для племянника. Племянник у меня хороший, в институт поступил.

– Квартиру прикупи-ить? – переспросила старушка завистливо. – Живут же люди! А какую квартиру-то?

– На четвертом этаже.

– На четве-ертом? Ну ты, милая, опоздала – продали уже ту квартиру, и новые жильцы в нее въехали.

– Да что вы говорите! – Надежда притворно расстроилась. – Выходит, зря я сюда ехала.

– Выходит, милая, зря. А только которые квартиры покупают, на маршрутках не ездят. Они на машинах разъезжают, на этих... «фордах» и «мерседесах».

– Да я не из богатых! Я дачу хорошую продала, вот и хочу квартиру племяннику купить, чтобы деньги не пропали.

– А, ну если так... – Старушка сочувственно замолчала.

– А вы в этом доме давно живете? – Надежда Николаевна вела разговор, будто реку переходила, осторожно нащупывая камешки.

– Ох, давно! Всю жизнь, с самого малолетства. Меня как сюда из роддома принесли, так и жила. В эвакуацию отсюда меня увезли, трех лет не было, сюда же потом и вернулась. Только в другую квартиру, нашу-то летчику отдали, который с фронта пришел. Там коммуналка была, так одна соседка в блокаду умерла, сестра ее из эвакуации не вернулась, замуж там вышла, а нам с мамой комнату дали в другой квартире.

– Так вы, наверное, всех жильцов здесь знали? – направила Надежда беседу в нужное русло.

– А то! Конечно, всех. Правда, новых жильцов я почему-то не запоминаю, а вот прежних... прежних-то я всех хорошо помню! Каждый перед глазами – как в личном деле!

– Неужели всех? – Надежда изобразила сдержанное, уважительное недоверие.

– А то! На первом этаже, где прежде дворницкая была, татары жили, Гайрудиновы, большая семья. Отец, Ахмет, непьющий, представляешь? Всему дому чайники чинил или другое что. На втором этаже Вера Анисимовна, учительница, с семьей, и Мордасовы. Вот Мордасов-старший, тот, конечно, сильно зашибал и в пьяном виде все свое семейство лупил почем зря – и жену Дарью, и детей обоих... особенно по воскресеньям, потому как завтра на работу...

Надежда Николаевна испугалась, что старушка примется подробно описывать всех жильцов дома и на это уйдет не один час, а потому решила ускорить события и навести разговор на интересующую ее тему.

– А на четвертом этаже кто жил?

– Это в той квартире, которую ты купить хотела?

– В той самой.

– Ну, там коммунальная квартира была...

– И кто же в ней жил?

– Ну, в двух комнатах, что налево, там Казаковы жили, Семен Семеныч и Валентина Васильевна. И конечно, сынок их, Витка... тот еще пострел!

- Витька? – Надежда насторожилась.
- Витька, Витька... ох и хулиган он был! Говорили, что случившееся с Сигизмундом Кондратьевичем без Витьки не обошлось... и не зря говорили!
- А кто такой Сигизмунд Кондратьевич и что с ним случилось?
- Сигизмунд-то Кондратьевич? Это еще один жилец из той квартиры. Старик одинокий, в угловой комнате жил...
- В той, чьи окна на сквер выходят?
- Ну да, которая с балконом. С этого-то балкона он и сиганул... никто по нему особенно не убивался, он один жил, как перст. Его в нашем доме бирюком звали...
- Он с балкона спрыгнул, говорите? А при чем тогда здесь Витька Казаков?
- А вот я тебе точно скажу – не обошлось без него! В нашем доме как что случалось – никогда без него не обходилось! Без него и без его приятелей – Ленки Морозовой и Васьки Гусакова...
- А когда же все это случилось?
- Когда? А сейчас посчитаю... – Старушка что-то забормотала себе под нос, загибая при этом пальцы на обеих руках, и наконец гордо объявила:
- Сорок пять лет назад это случилось!
- Точно?
- Еще как точно! Я тогда как раз сапоги себе югославские купила, три месяца за ними в магазин бегала и поймала. Нет, даже три с половиной. Такое не забудешь!
- «Сорок пять лет, – подумала Надежда. – Именно столько лет прошло с того неизвестного события, о котором писал в своей записке Виктор... скорее всего, именно тот Витька Казаков, о котором рассказывает старушка... Ну да, и квартира точно та самая, которую покойная Коврайская описывала. Все сходится – и время, и описание».
- А вы не знаете, где сейчас они все?
- Кто?
- Ну, вот эти трое – Виктор Казаков и друзья его, Лена и Вася... вы же про них говорили?
- А тебе за чем? – Старушка подозрительно взглянула на Надежду.
- Да ни за чем, – Надежда пожала плечами. – Вы, наверное, все равно не знаете...
- Почему это не знаю? Я про старых жильцов все знаю! Витька как раз недавно помер, двух лет не прошло. Так и жил в этом доме. А Ваську... Ваську еще тогда убили, почти сразу после смерти Сигизмунда Кондратьевича. Зарезали в подъезде.
- Заре-езали? Ох, какие вы ужасы рассказываете! – Надежда Николаевна прижала руки к щекам и вроде бы даже вскочить со скамейки собралась.
- Да чего уж такого ужасного? Жизнь – она жизнь и есть, в ней всякое случается.
- Ну, режут не каждый день... А Лена? Что с ней случилось? Или вы не знаете?
- Лена?
- Ну, вы же говорили, хулиганили они втроем, с ними еще Ленка была, Морозова...
- О, Лена-то наша в люди выбилась! – старушка подняла глаза к небу. – В большие люди!
- Начальница, что ли?
- Бери выше! В кино она снимается, в самом телевизоре! Я недавно сериал смотрела – «Кривой против Припадочного», очень жизненное кино, смотрю – никак наша Лена мать героини играет. Правда, в этих... в титрах другая фамилия стояла, но мне Белла Романовна сказала, что это точно она, Лена наша, просто она замуж два раза выходила и каждый раз фамилию меняла...
- Что еще за Белла Романовна? – переспросила Надежда, у которой уже закружилась голова от старушкиной болтовни.
- Белла Романовна? Так ты ее разве не знаешь? Она на почте работает, которая на углу, и все про кино знает. Она мне и рассказала, как наша Ленка в кино и в телевизор пристроилась.

Там снимали какой-то фильм, где в главной роли московская звезда знаменитая – эта, как ее... Сикстинская. Так вот, когда эту звезду со спины снимали, вместо нее другую женщину брали, чтобы той за лишние часы не платить. Им, звездам-то этим, за каждый час платят страшные деньги, представь! А у нашей Лены фигура один в один, как у Сикстинской. И походка. Так что если парик надеть, то нипочем сзади не отличить. Вот они ее и снимали полфильма. Потом в другом фильме, потом в третьем, а там уже к ней привыкли и стали ее спереди снимать...

– Ох, что-то у меня голова заболела! – проговорила Надежда Николаевна.

– Это к дождю, наверное! Ты, милая, как домой придешь, голову помой, все и пройдет, боль твою как рукой снимет...

– Ага... так я поеду домой. Только вы мне скажите, какая теперь фамилия у Лены?

– Какая фамилия? – Старушка задумалась. – Вот поди ж ты, то, что давно было, все помню. Что раньше она была Морозова – помню, а сейчас... нет, ну просто беда! Помню, что-то такое мебельное... прямо в голове вертится...

– Мебельное? – удивленно переспросила Надежда. – Это как? Стулова, что ли? Или Буфетова?

– Да нет, какая Буфетова... ты бы еще сказала – Кроватьева! Нет, надо же, стала все забывать... Мне Белла Романовна говорит – ты все записывай, чтобы не забыть, так я запишу, а потом не могу вспомнить, куда записку положила...

Старушка принялась рыться в карманах и вдруг с победным видом вытащила смятый листок:

– Вот же он! А я-то его три дня искала, думала, все, потеряла, придется за новым идти...

– Что это? – сухо осведомилась Надежда Николаевна.

– Да рецепт, мне Софья Викентьевна, доктор, лекарство для памяти прописала, а я рецепт потеряла. А вот теперь нашла. И смотри-ка – я на этом рецепте ее фамилию записала...

– Чью? – переспросила Надежда, запутавшаяся в бесчисленных старушкиных знакомых и приятельницах.

– Так Ленкину же! Ленки Морозовой, про которую ты спрашивала! Шкафутинская она теперь! Елена Шкафутинская! Говорила же я тебе, что-то мебельное!

По дороге домой Надежда позвонила Марии.

– Ну как? – оживилась та. – Узнала что-нибудь? А то сижу дома, как сыч, надо работать, а я не могу. Стоит перед глазами эта Елена Юрьевна задушенная. Вот так помрешь, не дай бог кто увидит...

– Типун тебе на язык!

– Ой, Надя, знаю, что распустилась совсем, что нельзя так, а только все из рук валится. Веришь ли, вещи, что в круиз брала, до сих пор разобрать не могу!

«А все потому, что ты давно живешь одна, – подумала Надежда Николаевна, но вовремя прикусила язык. – Нет уж, как хотите, а если у женщины есть семья, то в доме всегда должен был порядок. Тут такое дело: плохо ли тебе, болеешь или на работе начальник наорал, а может, просто настроение ужасное – будь добра, отвлекись от своих переживаний и квартиру убери, и ужин приготовь. Ну если уж температура сорок и голову от подушки не поднять, тогда муж войдет в положение, и то самое большее на один день, а назавтра недовольство проявит. А уж чтобы чемодан за неделю не разобрать – это перебор».

Но, как уже говорилось, Надежда Николаевна была женщиной невредной и считала, что лишний раз промолчать только лучше.

– Ну так что, есть у тебя новости? – спросила Мария, как будто она и впрямь клиент, а Надежда – частный сыщик.

– Докладываю, – невозмутимо ответила Надежда Николаевна и пересказала свой разговор с милой старушкой возле подъезда.

– Надя, ты молодец! Продолжай в том же духе! – заключила Мария.

– Не я буду продолжать, а ты! Ты поговоришь с этой самой Шкафутинской как писательница. Наврешь, что по твоим книгам будут снимать сериал или что ты ищешь материал для романа.

– Может, и правда будут сериал снимать... – обиделась Мария.

– Ну тебе и карты в руки! Скажешь, что хочешь изобразить героиней старую актрису... нет, про старую лучше не надо... Эти актрисы... они все очень насчет возраста переживают, не нужно лишний раз по больному бить...

Телефон Елены Шкафутинской Надежда нашла без труда. Собственно, это заняло у нее две минуты, потому что Надежда Николаевна являлась счастливой обладательницей замечательной базы данных, в которой можно было найти координаты практически любого человека. Эту базу ей подарил один влиятельный господин, которому она в свое время очень помогла.

Надежда записала телефон Елены на бумажке и протянула Марии:

– Звони сама, договаривайся о встрече. А то если звонить будет один человек, а на встречу придет другой – это не создаст между вами доверительных отношений. Заподозрит она что-то неладное, начнет интересоваться, расспрашивать, сколько книг ты написала... а там всего ничего...

Этим же словами Надежда слегка отомстила подружке за ее покровительственный тон, но тут же устыдилась и добавила, что, судя по всему, Шкафутинская эта отнюдь не звезда первой величины, так что будет рада любому предложению.

Мария не стала обижаться и спорить, набрала номер и довольно долго слушала длинные гудки, а когда уже хотела дать отбой, гудки наконец прервались и в трубке раздался заспанный женский голос:

– Слушаю!

– Это Елена Шкафутинская?

– Ну, если вы мне звоните – зачем спрашивать? А это вообще кто? Номер незнакомый.

– Мы с вами действительно не знакомы. Меня зовут Мария, Мария Рыбникова. Я писательница...

– Никогда не слышала.

– Что ж, я не из самых известных...

– И чего вы от меня хотите?

Вместо прямого и честного ответа на этот вопрос Мария проговорила:

– Мне ваш номер дали в актерском отделе киностудии...

Тут она, конечно, приврала, но рассудила, что упоминание киностудии сделает Елену более разговорчивой. Так оно и получилось.

– Марфа Степановна? – оживилась Елена.

– Ну да... – неуверенно подтвердила Мария и закашлялась, так как Надежда чувствительно ткнула ее в бок и показала глазами, чтобы она не мямлила, а говорила понапористее, поэнергичнее.

– Значит, помнят меня! Так чем я могу вам помочь?

– Дело в том, что сейчас я работаю над новой книгой... возможно, она будет экранизирована...

Надежда Николаевна усиленно подмигивала подруге, а потом написала на листке бумаги:

Проси встретиться. Так она расскажет гораздо больше, чем по телефону.

Мария кивнула и договорилась о встрече на следующий день в кафе, расположенном рядом с домом Шкафутинской, при этом дав актрисе понять, что, вполне возможно, ей светит роль в будущем сериале.

– Построже там с ней! – напутствовала подругу Надежда. – Держись понахальнее. А то она строит из себя... Подумаешь, актриса, играющая возрастные роли, и то не главные...

Елену Мария нашла без труда – в кафе было немного посетителей, и только одна из них – одинокая немолодая женщина со следами былой красоты. Кроме того, в ней и правда можно было заметить отдаленное сходство с известной актрисой Мариной Сикстинской. Но очень отдаленное.

С некоторых пор Мария смотрела отечественные сериалы, что раньше делала нечасто. Но когда появилась надежда, что когда-нибудь и ее романы экранизируют (а вдруг?), ей захотелось хотя бы в лицо знать некоторых актеров.

Мария подошла к столику Елены, села и проговорила:

– Вы ведь Елена, я не ошиблась?

– Не ошиблись. Только я вам честно скажу – про Сикстинскую ровным счетом ничего не знаю. Ну, встречалась с ней, конечно, но и парой слов не перекинулась. И правда – кто она и кто я? Какие у нас могут быть общие темы?

– А меня Сикстинская и не интересует.

– Как? А разве вы не о ней собираетесь писать? Я думала, вы о ней пишете...

– Нет, не о ней.

– Тогда чего вы от меня хотите? – в очередной раз спросила Елена. – Со мной если какие журналисты и разговаривали, так только о ней... Я-то сама кого интересую?

Мария посмотрела на актрису более внимательно и увидела, что для той наступили непростые времена. Сходство с Сикстинской потихоньку сходило на нет, а главное – сама Марина Сикстинская уже пересекла некоторый возрастной рубеж и мало снималась. И то сказать: играть мамашу главного героя или учительницу главной героини ей было явно не по статусу. Теперь она по большей части была занята в театре, изредка снималась в фильмах и время от времени получала престижные премии, потому как ее всегда отличало безупречное мастерство, которое с возрастом никуда не делось.

Словом, Елене приходилось нелегко, на телестудиях было полно немолодых актрис, и спрос явно превышал предложение.

Мария заказала обычный капучино, Елена – кофе по-ирландски, то есть с ликером. Само по себе это ни о чем не говорило, и все же в четыре часа дня...

В общем Мария решилась на откровенный разговор.

– Нет, у меня совсем другая тема. Меня интересуют именно вы, а вовсе не Сикстинская. Скажите, вы ведь знали такого человека – Виктора Казакова?

– Казакова... – Елена округлила глаза, как будто заметила за спиной собеседницы привидение. – Виктора... А он жив еще?

Мария ясно видела, что актриса растерялась и потому не смогла вовремя сообразить, как же ей реагировать на вопрос. Промедлила, а теперь уже не могла от всего откреститься, заявить, что никакого Казакова в жизни не знала, и твердо стоять на своем. А если она, Мария, начнет настаивать, то просто встать и уйти, отговорившись занятостью.

– Так он жив? – повторила вопрос актриса.

– В том-то и дело, что нет. Умер больше года назад и не успел мне кое-что рассказать. Потому я и захотела встретиться с вами, так как он вас упоминал.

– Да я-то при чем? Я с ним уже сколько... лет сорок, наверное, не виделась.

– Сорок пять... – мягко поправила Мария.

Елена вздрогнула, немного помолчала, а потом настороженно спросила:

– А о чем вы с ним разговаривали?

– О том, что случилось сорок пять лет назад. В доме у Константиновского сквера. Там, где вы жили в детстве...

В глазах Елены мелькнул испуг, и она быстро проговорила, как заученный текст:

– Да мы ничего такого и не сделали! Он сам упал! А я тогда вообще несовершеннолетняя была!

Мария тут же отметила, что ее собеседница, мягко говоря, небольшого ума. Выбалтывала свои секреты первой встречной-поперечной. Что с того, что Мария ей свою книгу с фотографией показала? Ведь писал же покойный Виктор в записке, что сорок пять лет назад они влезли в явный криминал. Так молчала бы про это или все отрицала! Мол, ничего не знаю, вас первый раз вижу, мало ли что вам Виктор наболтал... Тем более что он умер. Так нет же, сразу начала оправдываться.

С другой стороны, Марии это было только на руку, и она поспешила успокоить Елену:

– Я же вас ни в чем не обвиняю! Я ведь действительно книжку пишу, и эта история меня очень заинтересовала. Но Виктор умер, не успев мне все рассказать, а третьего вашего друга... как его... Васю давно уже убили. Так что теперь вся надежда только на вас.

Елена все еще молчала, и Мария добавила:

– Виктор... он ведь всю жизнь вас любил. Не женился даже из-за этого. Он мне сам говорил. Ни на одну женщину, сказал, и смотреть не мог, все время Лена перед глазами была... А у самого голос дрожит и слезы в глазах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.